Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-466-475

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуются исторические этапы криминализации деяний в России — от древнерусских правовых памятников до современного уголовного законодательства. Показывается, что криминализация на различных этапах развития российской государственности зависела не только от динамики общественной опасности деяний, но и от модели государства, характера политической власти, господствующей идеологии, уровня юридической техники и состояния правоприменения. Обосновывается тезис о том, что российская история уголовного закона демонстрирует одновременно преемственность и разрывы: сохраняется устойчивое стремление законодателя к охране публичного порядка и государственной власти, но меняются критерии признания деяния преступным, соотношение материального и формального признаков преступления, круг охраняемых благ и допустимая мера репрессии. Особое внимание уделяется переходам от обычноправовой и казуистической модели криминализации к кодифицированной, а затем — к современной модели, ориентированной на конституционные ценности, принцип законности и международные стандарты прав человека. Делается вывод о том, что исторический анализ криминализации позволяет точнее определить пределы уголовно-правового запрета в настоящем и избежать как архаической избыточности, так и ситуативной символической криминализации.*

Ключевые слова: *криминализация, декриминализация, история уголовного права России, преступление, уголовный закон, Русская Правда, Соборное уложение, Уложение о наказаниях, Уголовное уложение 1903 года, советское уголовное право, уголовная политика.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

HISTORICAL ASPECTS OF CRIMINALIZATION OF ACTS IN RUSSIA

Annotation. *This article examines the historical stages of criminalization in Russia—from ancient Russian legal monuments to modern criminal legislation. It is shown that criminalization at various stages of Russian statehood development depended not only on the dynamics of the social danger of the acts but also on the state model, the nature of political power, the dominant ideology, the level of legal technique, and the state of law enforcement. It is argued that the history of Russian criminal law demonstrates both continuity and discontinuities: the legislator's consistent commitment to protecting public order and state authority remains, but the criteria for recognizing an act as criminal, the balance between the material and formal elements of a crime, the range of protected benefits, and the permissible measure of repression have changed. Particular attention is given to the transitions from the common law and casuistic model of criminalization to a codified model, and then to a modern model oriented toward constitutional values, the principle of legality, and international human rights standards. It is concluded that a historical analysis of criminalization allows for a more precise definition of the limits of criminal law prohibitions in the present and avoids both archaic redundancy and situational symbolic criminalization.*

Key words: *criminalization, decriminalization, history of Russian criminal law, crime, criminal law, Russkaya Pravda, Sobornoye Ulozheniye (Catholic Code), Penal Code, Criminal Code of 1903, Soviet criminal law, criminal policy.*

История криминализации деяний в России представляет собой не простую хронологию появления новых запретов, а историю изменения самого понимания того, что именно государство считает настолько опасным, вредным или недопустимым, что на это требуется ответ в форме уголовного наказания. В современном уголовно-правовом дискурсе криминализация обычно рассматривается как процесс выявления общественно опасного поведения, его нормативного описания и закрепления уголовно-правового запрета в законе. [1] Однако в исторической перспективе этот процесс никогда не был исключительно рационально-техническим. За каждым уголовным запретом стояли определённая система ценностей, представление о государственном порядке, религиозные и нравственные установки, а также реальные возможности власти осуществлять контроль и принуждение. [2]

Для российской правовой истории особенно характерно то, что уголовный закон долгое время развивался как часть более широкого комплекса властных регуляторов. На ранних этапах границы между уголовным, процессуальным, сословным и полицейским регулированием были размыты. Преступным признавалось не только деяние, причиняющее вред индивиду, но и поведение, нарушающее «мир», «тихость», «благочиние», установленную иерархию, церковный и государев порядок. Поэтому историческое исследование криминализации требует учёта не только текстов законов, но и характера государственности, статуса личности в праве, целей наказания и способов юридической квалификации. [3]

Актуальность обращения к историческим аспектам криминализации обусловлена и современным состоянием уголовной политики. Российский уголовный закон конца XX — первой четверти XXI века переживает постоянное расширение Особенной части, возникновение новых составов преступлений, усложнение системы квалифицирующих признаков, усиление охраны информационной, финансовой, антикоррупционной и антитеррористической сфер. Эти процессы нередко оцениваются как проявление гиперкриминализации или символической криминализации. Чтобы критически оценить современные тенденции, необходимо понять, как в российской правовой традиции складывались основания уголовного запрета, какие формы избыточной репрессии уже встречались ранее и какие исторические уроки следует учитывать законодателю. [4]

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных исторических закономерностей криминализации деяний в России. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: определить методологические ориентиры историко-правового анализа криминализации; проследить эволюцию объектов уголовно-правовой охраны и критериев преступности от Древней Руси до современности; показать роль кодификации в изменении техники криминализации; установить, каким образом политические и идеологические переломы влияли на содержание уголовного закона; сформулировать выводы, значимые для современной уголовно-правовой политики.

1. Понятие криминализации и пределы его исторического анализа

В современной науке под криминализацией обычно понимается признание определённого деяния преступным и установление за него уголовной ответственности. Но если переносить это определение на правовые памятники ранних эпох без оговорок, возникает риск анахронизма. В XI–XVII веках законодатель ещё не располагал тем понятийным аппаратом, который характерен для современной Общей части уголовного права: не существовало чёткого разграничения преступлений и иных правонарушений, последовательно разработанных категорий вины, стадий совершения преступления, соучастия, обстоятельств, исключающих преступность деяния. Следовательно, применительно к ранним этапам российской истории криминализацию правильнее понимать шире — как юридическое и политическое выделение круга наиболее опасных деяний, за которые применялись наиболее тяжкие меры государственного или княжеского принуждения. [5]

Исторический анализ криминализации требует различать по меньшей мере четыре уровня. Первый уровень — ценностный: какие интересы и блага признаются достойными особой охраны. Второй — институциональный: какой субъект власти вправе объявлять деяние преступным и каким образом закрепляется запрет. Третий — технический: как описывается запрещённое поведение, насколько оно конкретизировано и допускает ли аналогию. Четвёртый — санкционный: какие меры воздействия используются и какую цель они преследуют — возмездие, устрашение, компенсацию, изоляцию, исправление, политическую нейтрализацию или защиту публичного порядка. [6]

Именно совокупность этих уровней объясняет, почему история криминализации в России не сводится к количественному росту числа преступлений. В разные эпохи правовая система могла одновременно расширять перечень наказуемых деяний и сужать дискрецию правоприменителя, либо, напротив, формально сокращать закон, но позволять широкое усмотрение в силу неопределённых критериев «враждебности»,

«социальной опасности» или «контрреволюционности». Поэтому исторически значима не только формальная криминализация, но и та фактическая уголовно-репрессивная среда, которую создаёт закон.

Наконец, при изучении российской истории важно учитывать, что криминализация долгое время развивалась в тесной связи с конфессиональными и сословными представлениями. Ряд деяний признавался тяжкими не потому, что они причиняли индивидуальный вред в современном смысле, а потому, что нарушали религиозный порядок, подрывали сословную иерархию или ставили под сомнение верховную власть. В этом состоит одно из ключевых отличий исторической криминализации от современной модели, где уголовный закон формально привязан к охране конституционных ценностей, прав и свобод человека и гражданина.

2. Древнерусский период: от обычая к первым уголовно-правовым запретам

Первые этапы криминализации на Руси были тесно связаны с обычаем, княжеской юрисдикцией и задачей прекращения кровной мести. В этом смысле древнерусское право развивалось не от абстрактной идеи преступления, а от необходимости урегулировать конфликт, ограничить частную расправу и встроить возмездие в систему княжеского суда. Именно поэтому ранние памятники права фиксируют прежде всего те посягательства, которые непосредственно нарушали мир внутри общины и подрывали авторитет власти. [7]

Ключевым памятником здесь выступает Русская Правда. Её значение для истории криминализации состоит не только в том, что она содержит древнейший систематизированный перечень противоправных деяний, но и в том, что она отражает переход от родоплеменной модели реагирования на вред к публично организованной реакции. Наиболее характерно это проявляется в ограничении кровной мести и замене её денежными взысканиями — вирой, продажей, уроком. Уже в этом просматривается ранняя государственная монополизация наказания: тяжесть деяния определяется не только вредом потерпевшему, но и тем, в какой мере нарушается установленный порядок. [8]

Важной особенностью Русской Правды является преобладание имущественной компенсации над телесными и устрашающими наказаниями. Это позволяет сделать вывод, что ранняя криминализация была ориентирована прежде всего на восстановление нарушенного мира и на фискально-политические интересы княжеской власти. При этом ряд деяний выделяется как особенно значимый: убийство, телесные повреждения, татьба, поджог, конокрадство. Характерно, что именно конокрадство и поджог довольно рано приобретают повышенную опасность, поскольку в условиях аграрного и военного общества они создавали угрозу не отдельному лицу, а устойчивости хозяйственного и военного уклада. [2]

Русская Правда ещё не знает развитой классификации преступлений, но уже показывает важный исторический принцип: криминализация усиливается там, где вред деяния выходит за пределы частного конфликта и затрагивает коллективную безопасность. Эта закономерность впоследствии будет воспроизводиться многократно — от государственных преступлений Московского царства до современных преступлений террористической и экстремистской направленности.

Значительный шаг в развитии криминализации обнаруживается в Псковской судной грамоте. В ней заметно расширяется круг деяний, охватываемых жёсткими санкциями, усложняется процессуальная организация преследования, усиливается значение суда как публичного института. [9] Псковская судная грамота показывает, что по мере развития городского хозяйства, торговли и судебной организации преступными начинают более отчётливо восприниматься деяния, посягающие на судебный порядок, собственность, договорный оборот и стабильность городского мира.

Для древнерусского периода в целом характерны три особенности криминализации. Во-первых, она носит казуистический и фрагментарный характер: законодатель описывает не общее понятие преступления, а отдельные опасные случаи. Во-вторых, в центре находятся мир, имущество и физическая неприкосновенность, но уже просматривается тенденция к особой охране власти и суда. В-третьих, уголовно-правовой запрет ещё тесно связан с компенсационной логикой: наказание должно не только устрашать, но и возмещать ущерб либо восстанавливать нарушенное равновесие.

3. Период централизации Русского государства: Судебники и Соборное уложение как рубеж в истории криминализации

Образование и укрепление централизованного Русского государства радикально изменили логику криминализации. Если в древнерусском праве уголовный запрет во многом обслуживал прекращение локального конфликта, то с конца XV века он всё в большей степени становится инструментом строительства единой власти. Судебник 1497 года знаменует переход к иной политико-правовой реальности: преступное

поведение начинает восприниматься не только как вред человеку или общине, но как нарушение порядка, установленного великим князем и поддерживаемого централизованным судом. [10]

В Судебнике 1497 года примечательно не столько количество уголовно наказуемых деяний, сколько усиление государственного начала в праве. Расширяется применение смертной казни, укрепляется розыскной процесс, повышается значение преступлений против суда и управления. Одним из исторически важных результатов стало повышение статуса татьбы и разбоя как деяний, требующих не частно-компенсационного, а публично-карательного ответа. Это отражало социальную потребность молодого централизованного государства обеспечить безопасность путей сообщения, фискального оборота и местного управления.

Судебник 1550 года развивает эти тенденции. Он не просто уточняет прежние запреты, но и усиливает идею единого источника права, исходящего от верховной власти. [11] Для истории криминализации особенно важно, что по мере укрепления московского самодержавия возрастает значение преступлений против порядка управления, служебных злоупотреблений и деяний, препятствующих нормальному отправлению суда. Иными словами, государство всё отчётливее криминализует то, что мешает ему функционировать как централизованному аппарату.

Однако наиболее крупным рубежом в истории российской криминализации стало Соборное уложение 1649 года. Оно не только систематизировало значительный массив ранее накопленных норм, но и качественно изменило иерархию охраняемых уголовным правом объектов. [12] Если в Русской Правде на первом плане находились личность и имущество внутри локального сообщества, то в Уложении центральное место заняли религия, царская власть, государственный порядок, служба и сословное устройство общества. Посягательство на «государево дело» стало восприниматься как высшая форма общественной опасности.

Соборное уложение даёт яркий пример того, как криминализация зависит от политической модели государства. Самодержавная власть, пережившая Смутное время и стремившаяся к стабилизации, объективно нуждалась в жёсткой охране веры, престола, служилой дисциплины и административного порядка. Отсюда — развитие составов богохульства, измены, бунта, «скопа и заговора», должностных нарушений, лжесвидетельства, укрывательства преступников. Криминализируется не только причинение непосредственного вреда, но и поведение, символически подрывающее основы власти. [2]

Одновременно наблюдается усиление телесных, позорящих и квалифицированных смертных наказаний. Эта санкционная политика была тесно связана с общей логикой устрашения. В отличие от более ранней компенсационной модели, теперь наказание всё чаще демонстрирует силу государства и должно визуально закреплять иерархию власти. Таким образом, исторически именно XVII век можно рассматривать как этап, на котором российская криминализация приобретает отчетливо публично-политический и репрессивно-символический характер.

При этом Соборное уложение не следует оценивать лишь как акт ужесточения. Оно также знаменовало определённый шаг вперёд в юридической технике: произошла систематизация, появились более устойчивые категории преступных посягательств, усилилась письменная форма закона. Для последующей истории это имело принципиальное значение: криминализация всё теснее связывалась с текстом закона, а не только с обычаем, локальной практикой или произвольным усмотрением.

4. Петровские реформы и становление имперской модели уголовного запрета

Петровская модернизация изменила российскую криминализацию не меньше, чем предшествующая централизация Московского государства. Реформируемое государство нуждалось в новой армии, бюрократии, налоговой системе, дисциплине и управляемости. Соответственно, уголовный закон стал активнее охранять не столько традиционный религиозно-сословный порядок, сколько интересы служилого абсолютистского государства. Наиболее ярко это проявилось в Артикуле воинском 1715 года. [13]

Хотя Артикул воинский по своему непосредственному назначению был воинско-уголовным актом, его влияние на общую историю криминализации в России оказалось гораздо шире. Во-первых, он существенно расширил и конкретизировал перечень наказуемых деяний, включая преступления против службы, дисциплины, порядка командования, веры, личности и собственности. Во-вторых, он задал новую степень детализации состава преступления и санкции. В-третьих, через него в российское право активнее проникали европейские представления о систематизации уголовного закона, хотя санкционная практика при этом оставалась крайне суровой. [3]

Петровская эпоха показывает важную закономерность: модернизация государства не обязательно ведёт к гуманизации криминализации. Напротив, переход к более рациональному управлению может сопровождаться расширением уголовно-правового контроля. Для абсолютистского

государства преступными становятся не только традиционные посягательства на жизнь, имущество или веру, но и многочисленные формы недисциплинированности, неповиновения, халатности, служебной недобросовестности, которые ранее не имели столь разработанного уголовно-правового значения.

В XVIII веке постепенно складывается имперская модель уголовного запрета, для которой характерны три черты. Первая — подчёркнутая связь криминализации с интересами службы и государственного аппарата. Вторая — сочетание европейской правовой техники с сохранением устрашающе-карательной санкционной системы. Третья — расширение полицейского элемента: уголовный запрет начинает пересекаться с задачами общего «благочиния», контроля над населением, пресечения беспорядков, надзора за сословным поведением.

Именно в этот период становится заметным долговременный российский парадокс: чем сложнее и рациональнее становится государственная машина, тем сильнее возрастает соблазн использовать уголовное право как универсальный инструмент управления. Этот парадокс позднее повторится и в советскую эпоху, и в современном законодательстве, хотя в разных идеологических оболочках.

5. XIX век: кодификация, дифференциация и расширение объектов уголовно-правовой охраны

XIX век занимает особое место в истории российской криминализации, поскольку именно в этот период происходит переход от разрозненных и сословно-полицейских запретов к масштабной кодификации уголовного права. Общая систематизация законодательства в Своде законов Российской империи подготовила почву для первого полноценного уголовного кодекса — Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. [14]

Значение Уложения 1845 года для истории криминализации трудно переоценить. Во-первых, оно оформило разделение Общей и Особенной частей, хотя и не в том виде, в каком оно известно современному юристу. Во-вторых, оно закрепило огромный перечень преступлений и проступков, систематизированных по объектам посягательства. В-третьих, оно позволило увидеть, насколько широк круг ценностей, которые имперское государство считает нужным охранять именно уголовно-правовыми средствами. [15]

Для Уложения 1845 года показательно, что на вершине иерархии оставались религия, самодержавная власть, порядок управления и государственная служба. Вместе с тем заметно расширяются разделы, посвящённые преступлениям против личности, собственности, семьи, общественного благоустройства, порядка торговли и финансовых интересов государства. Это отражало усложнение социальной структуры империи, развитие хозяйственного оборота, рост городов, бюрократизации и полицейского управления.

С точки зрения техники криминализации XIX век демонстрирует рост законодательной детализации. Законодатель стремится описать всё более широкий круг конкретных форм поведения, вводит многочисленные квалифицирующие признаки, учитывает статус субъекта, способ совершения деяния, предмет преступления, последствия, форму вины. С одной стороны, такая казуистичность ограничивала произвол, поскольку замещала расплывчатое усмотрение более точным текстом закона. С другой стороны, чрезмерная детализация вела к громоздкости кодекса, затрудняла его применение и поддерживала репрессивный охват всё новых сфер общественной жизни.

Важно и то, что в XIX веке постепенно усиливается доктринальное осмысление оснований криминализации. Развитие университетской науки, рецепция европейской уголовно-правовой мысли, дискуссии о соотношении преступления и проступка, наказания и исправления, вины и опасности личности подготовили почву для более тонкого понимания пределов уголовного запрета. Именно в этот период формируется научный язык, который позднее позволит критиковать как избыточную криминализацию, так и неопределённость состава преступления. [6]

Однако имперская кодификация не преодолела главной исторической особенности российского уголовного закона — его зависимости от политического строя. При всей развитости правовой техники уголовное право по-прежнему оставалось инструментом охраны сословно-монархического порядка. Это означает, что формальная кодификация сама по себе не гарантирует либеральных пределов криминализации. Закон может быть системным и в то же время идеологически жёстким.

6. Уголовное уложение 1903 года: модернизационный проект и незавершённая либерализация

Особое место в истории российской криминализации занимает Уголовное уложение 1903 года. В научной литературе оно традиционно рассматривается как наиболее совершенный дореволюционный уголовный кодекс России и как шаг к более современному пониманию преступления, наказания и законности. [16] Уложение устанавливало, что преступным является деяние, воспрещённое законом под страхом наказания, тем

самым последовательно проводя формально-правовой критерий преступности. Для истории криминализации это принципиально важно: государство стремилось увязать уголовный запрет прежде всего с законом, а не с общими представлениями о вредности или «неблагонадёжности».

Уложение 1903 года также существенно развило Общую часть. В нём более последовательно были урегулированы вопросы вины, возраста, невменяемости, стадий, соучастия, обстоятельств, влияющих на наказуемость. Это означало, что криминализация становилась не только более формальной, но и более юридически структурированной. Пределы уголовной ответственности начинали определяться не одной лишь политической волей, но и системой правовых категорий, ограничивающих применение репрессии.

Вместе с тем не следует идеализировать данный акт. Он сохранял приоритетную охрану монархии, религии и государства, а сам проект модернизации так и не был реализован полностью. Уложение не вступило в силу в полном объёме, а в условиях политического кризиса начала XX века и последующих революционных событий российская криминализация снова стала быстро выходить за рамки классической легальности. [2]

Тем не менее историческое значение Уложения 1903 года состоит в том, что оно показало альтернативную траекторию развития российского уголовного закона. Эта траектория предполагала сочетание развитой юридической техники, формального понимания преступления, ограничения аналогии и более чёткого отделения уголовного права от полиции и административного надзора. В определённом смысле многие идеи Уложения 1903 года опередили своё время и позднее были востребованы уже в постсоветском уголовном праве.

7. Советский период: идеологизация, социальная опасность и маятник криминализации

Революционный перелом 1917 года радикально изменил основания криминализации. Если дореволюционное право исходило, по крайней мере формально, из приоритета закона и определённости состава преступления, то раннесоветская модель поставила в центр классовую целесообразность, интересы революции и категорию социальной опасности. Наиболее отчётливо это выражено в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года. [17]

Для истории криминализации значение Руководящих начал состоит в отказе от чисто формального понимания преступления. Опасным признавалось нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом, а наказание мыслилось не как возмездие за вину, а как мера социальной защиты. Тем самым критерии криминализации становились более политизированными и менее определёнными. Законодатель и правоприменитель получали возможность оценивать не только конкретное деяние, но и фигуру самого лица, его классовую принадлежность, степень опасности для нового строя. [18]

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года стал первым советским кодексом и в значительной мере стремился придать революционной уголовной политике системную форму. [19] Он сохранял идею социальной защиты, но уже сочетал её с более развитой законодательной техникой. Для истории криминализации важно, что в кодекс включались новые группы преступлений, отражавшие хозяйственные и политические потребности раннего советского государства: контрреволюционные деяния, хозяйственные преступления, посягательства на порядок управления, должностные злоупотребления, нарушения правил новой экономической политики.

УК РСФСР редакции 1926 года усилил эти тенденции. [20] Он расширял возможности репрессивного воздействия за счёт широкой трактовки контрреволюционных деяний, допущения аналогии уголовного закона и приоритета социальной защиты над классическими гарантиями законности. Исторически это был один из наиболее опасных моментов в развитии российской криминализации: формально закон кодифицирован, но его понятия достаточно гибки, чтобы обслуживать политическую репрессию. Из этого опыта следует принципиальный вывод: неопределённая криминализация в кодифицированной оболочке способна быть даже более опасной, чем открытый чрезвычайный режим, поскольку придаёт репрессии видимость законности.

В 1930–1950-е годы советская криминализация приобрела ярко выраженный мобилизационный и репрессивный характер. Уголовное право использовалось для охраны государственной собственности, трудовой дисциплины, планового хозяйства, политической лояльности. Многие деяния криминализировались не столько из-за их внутренней общественной опасности, сколько из-за их функциональной несовместимости с задачами мобилизационного государства. Здесь особенно отчётливо проявилась зависимость уголовного закона от идеологии и экономической модели.

После смерти И. В. Сталина начался обратный процесс — частичная гуманизация и ограничение наиболее репрессивных конструкций. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года стали важнейшим рубежом этого поворота. [21] Они отказались от ряда крайних политико-репрессивных

решений предшествующей эпохи, усилили значение вины, законности, возраста уголовной ответственности, вменяемости и судебной процедуры. На этой основе был принят Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. [22]

УК РСФСР 1960 года знаменовал относительную стабилизацию советской модели криминализации. С одной стороны, он сохранял приоритетную охрану социалистического государства и собственности, а также идеологически обусловленные составы. С другой стороны, он был заметно более системным, предсказуемым и юридически оформленным, чем нормативные массивы 1920–1930-х годов. Историческое значение этого этапа заключается в том, что советская уголовно-правовая система частично вернулась к классическим гарантиям, не отказавшись при этом от собственной идеологической основы.

Таким образом, советский период демонстрирует маятниковое движение криминализации. В одни периоды приоритет отдавался чрезвычайной целесообразности и расширению уголовной репрессии; в другие — укреплению законности и относительной гуманизации. Но общим оставалось одно: уголовное право неизменно использовалось как ключевой инструмент защиты политической и социально-экономической модели, признаваемой государством обязательной.

8. Постсоветский этап: конституционализация и новые волны расширения уголовного закона

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года ознаменовало новый этап в истории криминализации. [23] Постсоветский законодатель стремился дистанцироваться от идеологизированной модели советского уголовного права и выстроить систему, основанную на принципах законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма и приоритета прав и свобод человека. В этом смысле кодекс 1996 года можно рассматривать как попытку соединить дореволюционные достижения юридической техники, советский опыт кодификации и конституционные ориентиры новой России.

Первоначальная концепция УК РФ исходила из необходимости рационального сужения уголовной репрессии и более точного разграничения преступного и непреступного. Это проявлялось в обновлённой системе категорий преступлений, институте малозначительности, уточнении форм вины, развитии оснований освобождения от уголовной ответственности, а также в стремлении выделить в Особенной части реально значимые объекты охраны: личность, собственность, общественную безопасность, конституционный строй, интересы службы, мир и безопасность человечества.

Однако уже последующее развитие кодекса показало, что исторические российские тенденции к расширению криминализации не исчезли. С конца 1990-х годов и особенно в 2000–2020-е годы уголовный закон постоянно пополнялся новыми составами. Усиливалась охрана экономического оборота, рынка ценных бумаг, налоговой системы, противодействия коррупции, миграционного режима, транспортной и информационной безопасности, антитеррористической сферы, порядка оборота цифровой информации, избирательных и финансовых процедур. Появлялись новые составы, связанные с легализацией преступных доходов, финансированием терроризма, неправомерным доступом к компьютерной информации, созданием вредоносных программ, незаконным оборотом средств платежей, нарушениями в сфере персональных данных и цифровых сервисов.

Эта динамика свидетельствует о том, что современная криминализация всё больше реагирует на риски сложного общества. Если в древнерусский период наиболее опасными были поджог, конокрадство и разбой как угрозы непосредственному выживанию сообщества, то сегодня уголовно наказуемыми становятся деяния, способные нарушить функционирование финансовой, цифровой, инфраструктурной и коммуникационной среды. Исторически изменяется не логика криминализации как таковая, а содержание того социального пространства, которое нуждается в охране.

Вместе с тем постсоветский этап обострил старую проблему пределов уголовного запрета. Рост числа составов преступлений не всегда сопровождается достаточной оценкой их необходимости, соразмерности и способности реально снижать общественную опасность. Порой криминализация используется декларативно — как сигнал обществу о значимости той или иной проблемы. Подобную законодательную практику можно охарактеризовать как символическую криминализацию: уголовный запрет вводится или ужесточается не столько ради эффективного правоприменения, сколько ради политико-коммуникативного эффекта.

Кроме того, современная история показывает, что криминализация может протекать одновременно с декриминализацией или переводом части деяний в разряд административных правонарушений. Это особенно заметно в сфере экономических деликтов, отдельных деяний против собственности, правил предпринимательской деятельности. Тем самым постсоветский этап подтверждает: развитие уголовного закона не

носит линейно репрессивного характера; оно представляет собой борьбу разнонаправленных тенденций — расширения, оптимизации, гуманизации и технологизации.

9. Основные исторические закономерности криминализации деяний в России

Проведённый анализ позволяет выделить несколько устойчивых закономерностей, характеризующих российскую историю криминализации.

Во-первых, криминализация всегда зависела от типа государственности. В периоды укрепления централизованной власти и мобилизационного управления резко возрастала роль преступлений против государства, управления, службы, общественного порядка и идеологической лояльности. Это видно на материале Соборного уложения, петровского законодательства, советских кодексов 1920–1930-х годов и ряда современных тенденций, связанных с расширением состава преступлений против общественной безопасности и основ государственного строя.

Во-вторых, исторически прослеживается смещение центра тяжести уголовно-правовой охраны. Древнерусское право преимущественно реагировало на непосредственный вред человеку, миру общины и имуществу. Московское и имперское законодательство усилило охрану религии, самодержавия, сословного и служебного порядка. Советская эпоха поставила в центр охрану социалистического строя и государственной собственности. Современный этап формально ориентирован на личность, права человека и конституционный строй, но фактически сочетает эту ориентацию с интенсивной охраной сложных публичных систем — финансов, данных, инфраструктуры, публичной коммуникации.

В-третьих, российская история подтверждает, что юридическая техника имеет самостоятельное значение для качества криминализации. Чем более неопределённы критерии преступности, тем выше риск политического и произвольного расширения уголовной репрессии. Раннесоветская апелляция к социальной опасности и аналогии закона — наиболее яркое тому подтверждение. Напротив, кодификация, развитие Общей части, отказ от аналогии, точность диспозиции и связь с принципом вины создают более надёжные пределы уголовного запрета, хотя сами по себе не гарантируют справедливой уголовной политики.

В-четвёртых, исторический опыт показывает цикличность сочетания криминализации и гуманизации. Российское право не развивается по прямой линии от жестокости к мягкости. Более рациональные и современные этапы часто сопровождаются новым расширением уголовного контроля, тогда как после периодов репрессивного перенапряжения наступают попытки декриминализации, смягчения санкций и ограничения усмотрения. Следовательно, уголовная политика подвержена маятниковым колебаниям, а не поступательному прогрессу.

В-пятых, на всех этапах сохраняется соблазн использовать уголовный закон как универсальное средство управления. Когда иные регуляторы — гражданско-правовые, административные, организационные, экономические, образовательные — кажутся недостаточно эффективными, государство стремится ответить на проблему новым составом преступления. Исторически такая логика неоднократно приводила к гиперкриминализации, ослаблению авторитета закона и перегрузке правоприменения.

Из этого следует важный для современности вывод: историческое знание о криминализации ценно не само по себе, а как способ определить критерии допустимого расширения уголовного закона. Уголовный запрет должен вводиться лишь тогда, когда деяние действительно причиняет или создаёт существенную угрозу охраняемым благам, когда иные средства правового воздействия недостаточны, когда состав может быть описан достаточно определённо, а санкция — соразмерно. Иначе история повторяет знакомый сценарий: политически привлекательный запрет оказывается юридически громоздким и социально малоэффективным.

Заключение

История криминализации деяний в России демонстрирует сложное переплетение преемственности и разрывов. От Русской Правды до современного Уголовного кодекса сохраняется базовая функция уголовного закона — охрана наиболее значимых для общества и государства благ путём установления особого запрета, обеспеченного наиболее суровыми мерами принуждения. Однако сами основания этой охраны менялись принципиально. В разные эпохи в центре стояли мир общины, княжеский порядок, самодержавная власть, религия, сословная дисциплина, социалистический строй, права и свободы личности, общественная безопасность, цифровая и финансовая инфраструктура.

Исторический путь показывает, что криминализация в России никогда не была чисто юридической процедурой. Она зависела от структуры власти, экономической модели, религиозных и идеологических установок, степени централизации государства, состояния науки и техники законодательства. Поэтому любая современная дискуссия о введении нового состава преступления должна учитывать не только текущую конъюн-

ктуру, но и исторические риски: неопределённость диспозиций, символическое перенасыщение уголовного закона, подмену отраслевого регулирования уголовно-правовым запретом, политизацию критериев общественной опасности.

Наиболее продуктивным итогом исторического анализа является понимание того, что качество криминализации определяется не количеством запретов и не суровостью санкций, а способностью закона точно выделять действительно общественно опасное поведение и проводить границу между преступным и непреступным в соответствии с принципами правового государства. Российская история убедительно свидетельствует: там, где уголовное право превращается в универсальный язык власти, оно неизбежно выходит за свои разумные пределы. И наоборот, там, где оно соединяет определённость, соразмерность, системность и уважение к ценности личности, криминализация приобретает подлинно правовой характер.

Список литературы:

[1] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.

[2] Исаев И. А. История государства и права России: учебник. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 799 с.

[3] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: лекции. СПб., 1902. 815 с.

[4] Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Норма. 276 с.

[5] Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2008. 354 с.

[6] Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. М.: Наука, 1994. 815 с.

[7] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[8] Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[9] Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.

[10] Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.

[11] Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.

[12] Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 511 с.

[13] Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 152 с.

[14] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988. 898 с.

[15] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988. 431 с.

[16] Уголовное уложение 1903 г.; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: лекции. СПб., 1902. 1122 с.

[17] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г. Москва : Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 70 – 73.

[18] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.

[19] Уголовный кодекс РСФСР : Утв. ВЦИК 24 мая 1922 г. : С предисл. и алф.-постатейным указателем. - Неофиц. изд. - [Москва] : Аврора, 1922.

[20] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года ВЦИК. Опубл.: 1926. Источник: «СУ РСФСР», 1926, № 80, ст. 600.

[21] Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». М. : Юридическая литература. 1965.

[22] Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

[23] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] Criminal Law Course. General Part. Vol. 1: Theory of Crime: Textbook for Universities / ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 624 pages.

[2] Isaev, I. A. History of the State and Law of Russia: Textbook. 4th ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 799 pages.

[3] Tagantsev, N. S. Russian Criminal Law. General Part. Vol. 1: Lectures. St. Petersburg, 1902. 815 pages.

[4] Naumov, A. V. Russian Criminal Law. General Part: Lecture Course. Moscow: Norma. 276 pages.

[5] Criminal Law. General Part: Textbook / ed. L. V. Inogamova-Khegay, A. I. Raroga, A. I. Chuchaeva. 2nd ed. Moscow: Contract: INFRA-M, 2008. 354 p.

[6] Tagantsev N. S. Russian Criminal Law: Lectures. General Part. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1994. 815 p.

[7] Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 1: Legislation of Ancient Rus' / edited by V. L. Yanin. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 p.

[8] Russkaya Pravda // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 1: Legislation of Ancient Rus' / ed. V. L. Yanin. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 pages.

[9] Pskov Judicial Charter // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Volume 1: Legislation of Ancient Rus' / ed. V. L. Yanin. Moscow: Legal Literature, 1984. 430 pages.

[10] Code of Laws of 1497 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Volume 2: Legislation of the Period of Formation and Strengthening of the Russian Centralized State / ed. A. D. Gorsky. Moscow: Legal Literature, 1985. 519 pages.

[11] Sudebnik of 1550 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / edited by A. D. Gorsky. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1985. 519 p.

[12] Sobornoye Ulozheniya of 1649 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by O. I. Chistyakov. Volume 4: Legislation of the period of formation of absolutism / edited by A. G. Mankov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1986. 511 p.

[13] Military Article of 1715 // Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by A. G. Mankov. O. I. Chistyakova. Vol. 4: Legislation of the Emergence of Absolutism / ed. A. G. Mankov. Moscow: Legal Literature, 1986. 152 p.

[14] Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Vol. 6: Legislation of the First Half of the 19th Century / ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1988. 898 p.

[15] Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 volumes / ed. O. I. Chistyakov. Vol. 6: Legislation of the First Half of the 19th Century / ed. O. I. Chistyakov. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1988. 431 p.

[16] Criminal Code of 1903; Tagantsev N. S. Russian Criminal Law. General Part. Vol. 1: Lectures. St. Petersburg, 1902. 1122 p.

[17] Guidelines for Criminal Law of the RSFSR. Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of December 12, 1919. Moscow: Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1940. pp. 70–73.

[18] Course in Criminal Law. General Part. Vol. 1: Theory of Crime: Textbook for Universities / edited by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 624 p.

[19] Criminal Code of the RSFSR: Approved. All-Russian Central Executive Committee, May 24, 1922: With preface and alphabetical index of articles. - Unofficial ed. - [Moscow]: Avrora, 1922.

[20] Criminal Code of the RSFSR, 1926 edition. Criminal Code of the RSFSR, 1926, All-Russian Central Executive Committee. Published: 1926. Source: "SU RSFSR", 1926, No. 80, art. 600.

[21] Law of the USSR of December 25, 1958 "On Approval of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics". Moscow: Legal Literature. 1965.

[22] Law of the RSFSR of October 27, 1960 "On Approval of the Criminal Code of the RSFSR" // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Article 591.

[23] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.